

Что делать для подъема ЭКОНОМИКИ

Дмитрий Пучков: Я вас категорически приветствую! Михаил Васильевич, добрый день.

Михаил Попов: Здравствуйте, Дмитрий Юрьевич, очень приятно беседовать с вами.

Дмитрий Пучков: Симметрично! Давно не виделись.

Михаил Попов: Да, хотел было изложить я особую точку зрения, а потом вспомнилось, что вообще-то я ярый противник — я думаю, что и вы, — высказывать просто мнения. Ну кто-то должен ведь хоть какие-то знания иметь. Особенно если он представляет науку в какой-то степени. Поэтому я буду говорить, если можно, по вопросу развития экономики.

Дмитрий Пучков: Нужно!

Михаил Попов: Но то, что знаю. Я думаю, что многое из того, что я буду говорить, знают и другие. Вообще, нормальные люди очень много знают,

и иногда люди из нашей среды просто забывают их всякой галиматьей.

Дмитрий Пучков: Например?

Михаил Попов: Ну вы же знаете. Например, говорят, что у нас рыночная экономика. А что такое «рынок»? Эти люди, которые говорят, не знают, но я знаю, могу сказать. Это, вообще, написано у Маркса: рынок — это сфера купли-продажи, там, где продают и покупают. Если у нас рыночная экономика, значит, с производством закончили, ничего не производится, или оно падает и надо покупать и продавать. А что продавать? Сейчас вот продали значительный кусок «АЛРОСА», алмазы продаем российские. У РФ уже осталось только 33 процента. Но, правда, там еще Якутия как-то включилась, какие-то муниципалитеты, но уже постепенно то, что являлось национальным богатством Российского государства, переползает в другие страны.

Дмитрий Пучков: А кто покупает? Некий «Де Бирс»?

Михаил Попов: Да, «Де Бирс», само собой, это крупнейший монополист, он все алмазы обрабатывает, поэтому — да. Далее. Вот мы тут видели, как с радостью наш бывший вице-премьер товарищ Шувалов рассказывал, просто как счастливый человек, что скоро будем «Роснефть» продавать, приватизировать. Сечина-то не очень спрашивают,

тот-то не сторонник того, чтобы распродавать по кускам Россию. А вот давайте мы «Роснефть»... Вы же доказывали, что все от нефти: все кризисы от нефти, и давайте мы наше нефтяное государственное предприятие будем продавать. Хорошо, давайте еще «Башнефть» приватизируем и так далее. То есть все время есть планы: продается курица, которая несет золотые яйца. Или есть, правда, такие объявления, я видел: «Продам Родину» — это вполне соответствует рыночной экономике. Если рыночная экономика. На самом деле рыночной экономики не бывает. Ну что делать? Вот не бывает рыночной экономики. Я думаю, что все люди, которые хоть немножко изучали хоть что-нибудь, знают, что бывает экономика первобытно-общинного коммунизма — собирают, делят и едят. Поймали мамонта, жарят и едят, распределяют женщины — матриархат. При этом ни пьянства, никаких таких вещей нет, все хорошо. Рабовладельческая экономика — тут тоже все понятно: если я ваш раб, вы можете меня убить, если я не то скажу. Но, на счастье, у нас уже не рабство. Ну а если у нас экономика построена на труде крестьян, это феодальная экономика: убить вы меня не можете, то есть убьете — ничего, сильно не накажут, но вообще-то надо просто бить плетьюми, и все в порядке. А можете продать — с семьей, без семьи, с землей, без земли. И вот свободное общество — капитализм. Это капиталистическая

экономика, зачем же так это игнорировать? Люди же пришли к капитализму, сделали переворот, получили реставрацию капитализма в России — ну, чего вы не празднуете? А вы почему-то маскируетесь рыночной экономикой. Это не рыночная экономика, это капиталистическая экономика. А капитал — это что такое? Это самовозрастающая стоимость. А капиталист — это персонифицированный капитал. Вот если я капиталист, меня само по себе ничего не интересует, главное, что меня интересует, — что я за это получу. Деньги, но не деньги просто, а самовозрастающие деньги. И между прочим, те, кто продает государственную собственность (а государственная собственность при капитализме — это частная собственность класса капиталистов), ущемляет интересы класса капиталистов — это я разъясняю для класса капиталистов — ради каких-то мелких вещей или ради затыкания сегодняшних дыр в сегодняшних экономических проблемах. Между прочим, понятие «оппортунист» относится не к коммунистической партии, а к любой, в том числе и к «Единой России», в том числе и к классу капиталистов, и к отдельному человеку. Если я вместо коренных вопросов жизни, в том числе и своей, решаю все время какие-то попутные, сиюминутные, и некогда заняться главным, я оппортунист. У Ленина такое определение оппортуниста: оппортунист не предает своей партии, не отходит от нее, он ис-

кренне и усердно продолжает служить ей, но его характерная черта — податливость настроениям минуты, неспособность противостоять моде, беспринципность и бесхарактерность, принесение коренных интересов движения в жертву побочным и сиюминутным.

Дмитрий Пучков: То есть прицел сбит у человека, да? Не понимает, что в первую очередь, что во вторую?

Михаил Попов: Нет, понимает, но не делает так. Он даже понимает, что он оппортунист, но никак ему не решиться на подчинение сиюминутных интересов долговременным. Ну вот можно покритиковать сейчас класс капиталистов, что он никак не может заставить этих отдельных своих представителей действовать в соответствии с общими интересами. Уж не идет речь о том, чтобы они интересы другого класса удовлетворяли. Да вы свои-то хоть удовлетворите, чего ж вы продаете? Вы взяли и приватизировали часть «Сбербанка» — ну что вы получили? Бумажки, а куда эти бумажки? Вы будете вкладывать. Куда вы будете вкладывать? Да нигде большего дохода вы не получите, чем их вложить в «Сбербанк». А теперь кто купил? А купила часть управленческого персонала «Сбербанка» во главе с Грефом, а кое-кто — опять разные люди, нам с вами неизвестные. Но нам известно, что пытаются от государства все время оторвать. Ну и казалось бы: вы провели приватизацию — ну хорошо, про-

вели. А что через 25 лет? Опять приватизация? Да вы когда-то закончите это делать и определитесь? Когда определитесь, какая у нас экономика? Вот я думаю, бывает еще социалистическая экономика, вы ее разрушили. Добрать до того уровня никак не удалось, до общего объема почти добрали. Вот Владимир Владимирович говорил: «Удвоение ВВП». Во-первых, ВВП — это Владимир Владимирович, во-вторых, валовый внутренний продукт — вот тут удвоение. Ну так и удвоили, в общем-то, за 20 с лишним лет после 1990-х годов, где рухнуло вдвое. Ну а машиностроение — так даже и речи нет, чтобы до уровня РСФСР дойти, в станкостроении — в основном мы только покупаем. Сейчас никто не продает в связи с санкциями, покупайте в Китае, Тайване и Белоруссии. Вот такая в этом плане картина.

И в такой ситуации мы должны ответить на вопрос: так какая у нас экономика? Отвечаю: капиталистическая. Но вот не все знают, хотя как только скажешь, то все вспомнят, что вообще-то не только коммунизм имеет 2 фазы — низшую, которая называется «социализм», и высшую, которая называется не «коммунизм», а «полный коммунизм», потому что социализм — это тоже коммунизм, но не полный, «с родимыми пятнами капитализма». А вот экономика капитализма бывает свободной конкуренции, когда все конкурируют между собой и рынок все решает, но когда вы меня победили или я вас победил в конкурентной борьбе — у нас уже монополия, у нас монополистический капи-

тализм. Где-то с конца XIX — начала XX века капитализм стал монополистическим, это современная форма капитализма. Все, кто рассуждает про рыночную экономику, — это отсталые люди, они даже азы капитализма не изучили. На самом деле у нас империализм. Другое дело, что господствуют монополии, если не наши, российские, то иностранные.

Дмитрий Пучков: А чем нам это грозит, вот эта вот приватизация долей в государственной собственности?

Михаил Попов: Это нам грозит тем, что если у нас люди не думают, как всякие оппортунисты, о дальнейших шагах, а думают: «Сейчас мы тут за Родину будем выступать, а в это время будем Родину продавать», — то кончится это дело тем, что в один прекрасный момент все наши ресурсы заберут и у нас будет полиция, но не наша, не российская. Ну разве опыт других стран это не показывает? Или что, кто-то сомневается, что будет с Россией, если она ослабеет? Ну, что было с Ираком, что было с Югославией — что, плохая страна была? Например, в Северной Корее понимают, что с ними будет, если они выбросят ядерное оружие и утопят свои ракеты: завтра же там не будет Северной Кореи, это совершенно понятно. Северная Корея воевала, она, между прочим, в состоянии войны до сих пор. Я был в Панмынчжоме... Там один флажок Северной Кореи в комнате для переговоров, а на другой